

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕ СТАЛЬ В ЕЕ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

А. НИКОЛЬСКИЙ

Творчество Жермены де Сталь представляет собой богатейший материал для исследования. Необычайная ее разносторонность, богатство интересов и живость натуры отразились в многочисленных ее произведениях. О чем бы ни писала мадам де Сталь, ее труды отличались широтой взглядов, эмоциональностью и тесной связью с общественной и политической жизнью тех лет. По ним можно проследить за ходом событий, борьбой идей, изменением настроений и вкусов, которые преломились в ее творчестве. В этом познавательное значение ее наследия.

Особенно большой интерес представляют произведения де Сталь, посвященные вопросам литературы. Здесь и оценка современных французских писателей и их творчества, и историко-литературные исследования, и обзор европейских литератур. Ее суждения и теоретические выводы смелы и оригинальны, хотя отнюдь не во всем бесспорны. В литературных взглядах де Сталь отразились те коренные изменения, происшедшие во французской литературе (да и не только французской), которые привели к крушению стройной и, казалось, незабываемой литературной системы классицизма и к возникновению романтизма. Де Сталь была одним из первых его глашатаев. Ее знаменитая книга «О Германии» (1801 г.) явилась своеобразным манифестом романтизма во Франции.

Де Сталь была одним из основных представителей умеренного направления в раннем французском романтизме. Ее социальные и политические воззрения ограничены и противоречивы. В ряде своих оценок и высказываний она стоит на прогрессивных, демократических позициях. Стремление к личной и общественной свободе, ненавистью к тирании, пробужденными в ней Просвещением, проникнуто все ее творчество. Но выше буржуазного либерализма она подняться не могла, а ее свободолюбивые стремления, в конечном итоге, сводились к утверждению конституционной монархии.

Философские взгляды де Сталь идеалистичны; они складывались под значительным влиянием немецкой идеалистической философии. Чуждая духу клерикализма, де Сталь, тем не менее, полна религиозных чувств в духе Руссо и, вместе с тем, носящих отпечаток протестантизма, которому была предана ее мать.

Все это так или иначе сказалось на ее творчестве. Однако литературная программа де Сталь гораздо радикальнее и сыграла, как мы говорили выше, большую роль в истории романтизма.

Многое в литературном наследии де Сталь остается неизученным. До сих пор нет исчерпывающего собрания ее сочинений. На русский

язык переведена лишь незначительная их часть. Литература о де Сталь на русском языке крайне скудна. Во Франции де Сталь посвящен целый ряд книг и множество статей в журналах и сборниках, однако монографий до сих пор нет. Самая, пожалуй, значительная по своему объему и богатству материала книга Blennerhassett под названием „Madame de Staël et son temps“ (1890 г.) далеко не исчерпывает всего многообразия проблем и не дает достаточно цельной, законченной картины. Однако, судя по французской библиографии последних лет, интерес к этому периоду в истории литературы и, в частности, к мадам де Сталь, возрастает. На это указывают и неоднократные публикации новых материалов о де Сталь во французской периодике за последние годы.

Данная статья ни в коей мере не может претендовать на постановку всех, хотя бы важнейших проблем, связанных с ранним творчеством де Сталь, ни, тем более, на их разрешение. Ее задача — проследить формирование тех новых идей, которые позднее легли в основу литературной концепции де Сталь.

Литературная деятельность де Сталь совпадает с тем бурным и глубоко насыщенным событиями периодом, который так сильно изменил жизнь Франции и оказал влияние на общественное, политическое, культурное развитие Европы в течение целого века.

Имя де Сталь впервые прозвучало в литературных кругах в 1789 году. Ее интенсивная деятельность закончилась только с ее смертью в 1817 году, в первые годы Реставрации. Созыв Генеральных Штатов и взятие Бастилии, борьба с коалицией и якобинская диктатура, кровавые наполеоновские войны и континентальная блокада, русский поход 1812 года и гибель «великой армии», свержение «узурпатора» и возвращение Бурбонов, «сто дней» и Венский конгресс — вот те события, которые были вызваны ломкой старых общественных отношений, крушением феодализма. Они сопровождалась острой идейной борьбой. Переоценивались философские системы, выдвигались новые социальные программы, новые исторические концепции, менялись литературные вкусы. В печати велась ожесточенная полемика. Рождались новые школы и направления.

Все эти моменты во многом определили личную судьбу де Сталь и всё ее творчество, начиная с «Писем о Руссо» и кончая ее воспоминаниями.

Первые литературные опыты де Сталь незначительны. Это были небольшие сочинения на модную в то время тему о синонимах и короткий рассказ, которые были опубликованы лишь в 1812 году. В 1786 году была написана пьеса в стихах «Софи», а в 1787 году — трагедия «Джен Грей». Обе были опубликованы в 1790 году. Все эти произведения де Сталь представляют интерес лишь как свидетельство ее быстрого умственного развития.

В 1788 году в литературных салонах Парижа заговорили о последней книжной новинке — трактате «Письма о произведениях и характере Жан-Жака Руссо». Книга вышла в количестве двадцати экземпляров без указания имени автора и места издания. Она имела большой успех и уже в следующем, 1789 году была издана четыре раза. Только в четвертом издании на второй странице было указано: «Г-жа Баронесса де Сталь-Гольштейн, супруга г-на Шведского Посла при короле Франции, единственная дочь г-на Неккера».

«Письма о Руссо» — первое крупное произведение де Сталь, пред-

ставляющее значительный интерес. В нем отразилась полемика о Руссо, занимавшая в то время все образованные умы Франции. Де Сталь охватывает в «Письмах» большой круг проблем и вопросов. Здесь определяется направление ее интересов, ярко проявляются особенности ее стиля.

Такое произведение, естественно, могло появиться лишь после определенного периода, подготовившего его появление. Прежде всего, сам интерес де Сталь к Руссо не случаен. Его зарождение было обусловлено борьбой идей накануне событий 1789 года, когда имя Руссо было тесно связано с революционными устремлениями. Для сторонников перемен Руссо был знаменем; для идеологов господствующих классов он был каким-то исчадием ада. Идеиная борьба вокруг социальных и философских концепций Руссо усугублялась оживленной литературной полемикой.

Благодаря обстоятельствам, сопутствующим годам детства и юности Жермены Неккер, она оказалась в самой гуще интеллектуальной жизни того времени. Салон госпожи Неккер, матери Жермены, был одним из центров этой жизни. В нем бывали Д'Аламбер, Дидро, вел горячую полемику Бернарден де Сен-Пьер, друг и поклонник Руссо, мечтавший создать общество в духе «Общественного договора» на острове Мадагаскар или на берегу Аральского моря. В салоне можно было встретить Бюффона, автора «Натуральной истории», имя которого было столь же известно, как имена Вольтера и Руссо; аббата Рейналя, защитника колониальных народов, врага инквизиции и клерикалов, книга которого была сожжена рукой палача; Мармонтеля и многих других.

Жермена уже с одиннадцатилетнего возраста неизменно присутствовала на этих собраниях, была свидетельницей оживленных споров и обсуждений насущных проблем и событий. Такое раннее приобщение к общественной и литературной жизни оказало огромное влияние на богато одаренную, живую натуру Жермены. Начало ее интенсивной внутренней жизни совпало с интересом, а затем и горячим увлечением Руссо. Его вызвала сама атмосфера в салоне матери, где имя Руссо упоминалось постоянно. Этому способствовало и влияние ее отца, который был поклонником Руссо.

К серьезному чтению Руссо Жермена приступила еще в раннем возрасте. Известно, например, что уже в пятнадцать лет она читала его «Общественный договор» и комментировала его, оставляя пометки на полях. Умственная работа, происходившая в ней, чтение, знакомство с различными точками зрения и теориями, собственные литературные опыты — все это дало возможность де Сталь взяться за большую работу о Руссо. «Письма о Руссо», как указывает сама де Сталь в своем предисловии, должны были представлять собой «Похвальное слово», так называемый „éloge“ — жанр, довольно широко распространенный в тот период. Однако содержание книги гораздо шире и значительнее. Работа представляет собой обзор всех крупных произведений Руссо, причем де Сталь анализирует, главным образом, его моральную программу. Книга написана в полемической форме; на всем ее протяжении де Сталь защищает Руссо от нападок его противников, подвергая, в то же время, критике некоторые идейные моменты. Личности Руссо, которая особенно служила объектом нападок, де Сталь посвящает отдельную главу.

Останавливаясь на таких произведениях, как «Общественный договор», де Сталь не могла, естественно, обойтись без обсуждения насущных социальных и политических проблем. Злободневность наряду с широкими обобщениями — одна из основных особенностей всех ее теоре-

тических произведений. В этой первой большой работе де Сталь она проявилась в полной мере. К социальной концепции Руссо де Сталь относилась критически. Она разделяет его положения, в которых он разоблачает испорченность нравов современного общества, критикует гражданские и политические установления. В то же время, она прекрасно понимает утопичность положительной программы Руссо. Стремление возратить человечество к баснословному «золотому веку» де Сталь называет химерой. Она является горячей сторонницей цивилизации. В пороках современного общества, по ее мнению, виновно не развитие цивилизации, а «заблуждения и несправедливость». Таким образом, говорит де Сталь, «его положительные идеи, как и у Монтескье, не указывают одновременно на болезнь и противоядие, на цель и на средства... но он воздействует на душу»¹.

Иными словами, де Сталь увлекает обличительная сторона «Общественного договора». Конечно, она не в состоянии до конца осознать подлинный смысл обличения Руссо. Самая основа его критики, касающаяся частной собственности и ее роли в истории человеческого общества, у де Сталь на втором плане. А основное противоречие — разоблачение частной собственности и примирение с ее существованием — от нее скрыто. Наконец, революционный дух «Общественного договора», выразившийся в призыве к народу «сбросить с себя ярмо» был, по-настоящему, чужд де Сталь.

Цель написания «Писем о Руссо» выявляется в той части книги, где де Сталь обращается к французской нации и к Генеральным Штатам, к открытию которых шла подготовка. Идея свободы и равенства, провозглашенные Руссо, должны прозвучать в стенах этого высокого собрания. Преемником же Руссо, выразителем его идей и устремлений, по ее мнению, является... Неккер, которому она посвящает самые красноречивые страницы.

Остановимся подробнее на воззрениях де Сталь, непосредственно касающихся вопросов литературы.

Вся система де Сталь строится на том положении, что литературное произведение, как и все художественное творчество вообще, должно возбуждать стремление к добродетели („vertu“) и отвращению к пороку. Таким образом, моральный фактор кладется в основу оценки творчества писателя. Произведение достигло цели, если по его прочтении «мы более вдохновляемся любовью к добродетели, если мы придаем большее значение своему долгу, если простые нравы, благотворительность, уединение становятся для нас более привлекательными»².

Эта идея совершенствования нравов, идея прогресса, которому служит литература, прямо противоположна взгляду Руссо, высказанному им в его знаменитом трактате. Правда, она не получает еще здесь своего развития. Но этой мысли будет посвящено одно из самых значительных произведений де Сталь — книга «О литературе».

В «Письмах о Руссо» автор дает классификацию романа в соответствии с его содержанием. Он может представлять собой картину нравов. В нем может идти речь о необыкновенных событиях, собранных воедино воображением. Наконец, третий вид романа — это большая моральная идея, приведенная в действие и драматизованная. К этому виду романа де Сталь относит «Новую Элоизу». Ему она отдает предпочтение.

Поскольку цель, которую ставит перед собой писатель, выяснена, возникает вопрос, каким способом ее достичь, внушить читателю эту любовь к добродетели. Путь может быть только один: необходимо

¹ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 3.

² Там же, стр. 5—6.

воодушевить читателя, воздействовать на его душу. А этого можно достичь лишь при помощи самой могущественной пружины — чувства. Истина может быть постигнута рассудком. Но ее усвоение таким путем будет длительным процессом. Только истина чувств воспламеняет читателя сразу же, в момент чтения. Из всех чувств де Сталь отдает предпочтение любви. Именно любовь должна быть прежде всего объектом изображения. Это утверждение основано, опять-таки, на нравственной цели, которую ставит перед собой писатель, так как любовь, по мнению де Сталь, наиболее близка к добродетели. Заслугу Руссо она видит в наиболее ярком и правдивом изображении любви. У древних любовь выступала как порождение неумолимой судьбы, рока, гнева богов. Современные романы полны героизма и рыцарской галантности. И только Руссо «...поверил в то, что можно выразить волнение чувства, которое возникает из свободного влечения сердца, чувства в одно и то же время горячего и нежного, робкого и страстного; именно Руссо доказал возможность этого»³.

«Новая Элоиза» представляет собой роман нового типа. Приступая к его разбору, де Сталь прежде всего горячо защищает его от обвинений в безнравственности. В значительной части отзывов о романе ожесточенным нападкам подвергалась сама ситуация, представленная автором. Делая некоторую уступку общественному мнению, де Сталь признает, что интрига романа сама по себе могла бы оказаться соблазнительной. Но тут же она решительно отвергает мнение о безнравственности романа. Во-первых, ситуация определяется характерами, которые в данном случае не дают никакого повода для двусмысленности. Главное же, что важно не столько содержание, сколько чувство, которое вызывается романом. Вот чем в действительности определяется нравственность или безнравственность произведения. Поэтому опасность заключается не в изображении событий, а в выражении чувств. Здесь де Сталь выступает как сторонница изображения сильной страсти в романе. Если нарушение долга является само по себе безнравственным, то насколько извинительнее всепоглощающее чувство, бывшее причиной этого, чем холодное, спокойное уклонение от своих семейных или общественных обязанностей. Лучше страсть, чем медленная коррупция: «все, что наступает постепенно, необратимо»⁴. Истинная нравственность предполагает горячее стремление к добродетели, любовь к ней. И наоборот, равнодушие, с которым другие авторы говорят о принципах, больше всего свидетельствует о порче нравов.

Такая защита страсти, в данном случае любви, особенно в ее сопоставлении с долгом, была большой смелостью. Нравственность, основанная на страсти, казалась абсурдом. Именно это положение де Сталь вызвало нападки как в то время, так и в более поздней критике. Однако это был лишь первый шаг. Взгляды де Сталь на роль чувства получили свое дальнейшее развитие и окончательное выражение в знаменитой книге «О влиянии страстей на счастье людей и народов». В ней страсть не только оправдывается, но уже признается как нечто не могущее не быть. Вопрос о долге там вообще не стоит. Страсть занимает де Сталь как решающий фактор в судьбе человека.

В тесной связи с задачей произведения решается в «Письмах о Руссо» проблема стиля. Стремление зажечь сердца, которым руководствуется писатель, не согласуется с «подражательной гармоничностью» стиля, к которой стремятся современные писатели. Совершенство слога, служившее главным критерием оценки мастерства, вряд ли оказалось

³ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 10.

⁴ Там же, стр. 7.

бы достоинством такого романа, как «Новая Элоиза». «Совершенство заключается скорее в отсутствии недостатков, чем в наличии больших красот; в сдержанности, чем в непринужденности; в обыденном, чем в необычном; наконец, совершенство дает представление скорее о пропорции, чем о величии»⁵.

Язык чувств не может быть размеренным и ровным. Писатель должен стремиться к «природной гармоничности», к выражению страсти.

Не спокойствие и правильность, а взволнованность и красноречие („éloquence“) должны быть основными качествами стиля. Красноречие необходимо, когда добродетель противопоставляется страсти; и если у Руссо оно доходит порой до экзальтации, это происходит от его увлеченности. Признавая стилистические неровности и погрешности Руссо с точки зрения классических традиций, де Сталь указывает на основное его качество — умение волновать: «Он собирает все тепло в один центр и концентрирует, чтобы воспламенить, все лучи, которые только бы освещали, если бы были рассеяны»⁶.

Впрочем, нежелание следовать правилам отнюдь не означает для де Сталь неумения Руссо. Об этом свидетельствуют те места, которые могут служить примером совершенства даже с точки зрения самых строгих ценителей.

Интересна мысль де Сталь о деталях в описании. Они допустимы при изображении больших чувств и значительных событий. В противном случае они не оставляют впечатления. Каждая подробность должна выявлять движение сердца, мысли; только тогда она увлекает и волнует. Как известно, требование значимости, типичности деталей, необходимых для раскрытия содержания, выдвигается эстетикой реализма. У де Сталь это требование выражено в зачаточной форме. Однако мысль сама по себе заслуживает внимания.

Таким образом, примат чувства в противовес рационализму, изображение страстей, эмоциональность стиля — вот требования, предъявляемые де Сталь к писателю. Все это она видит у Руссо. Но так ли обстоит дело в действительности?

Во французском литературоведении распространен взгляд на Руссо как на непосредственного предшественника и чуть ли не зачинателя романтизма. У Руссо видели и нового героя, и эмоциональность, и «романтический» пейзаж, и свободу стиля, которые были подхвачены авторами «Рене», «Адольфа» и «Обермана».

Бесспорно, творчество Руссо немало способствовало появлению новых школ и течений; его произведения заключали в себе известный материал, использованный романтиками. Однако, попытки «вывести» романтизм из Руссо являются бьющим в глаза упрощением, оставляющим в стороне весь комплекс сложнейших исторических, социальных и эстетических моментов, обусловивших возникновение и развитие нового направления. По выражению французского литературоведа Бальденсперже, приписывать создание романтизма Руссо значило бы сравнивать самолет с крыльями Икара. Стремление же установить общность между «Новой Элоизой» и, например, романами Шатобриана мешает увидеть кардинальные различия как между этими авторами, так и между сентиментализмом и романтизмом вообще.

В действительности Руссо не столько изображает чувство, сколько рассказывает о нем в красноречивой форме. Это не столько сама страсть, сколько горячая речь в ее защиту. С другой стороны, поста-

⁵ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 3.

⁶ Там же, стр. 3.

новка определенной нравственной цели, попытка разрешения конфликта на основе абстрактной, заранее заданной моральной догмы сама по себе уже идет от рационализма. Это противоречие свойственно не только Руссо и его последователям, но и всей сентиментальной школе.

Характерно в этом смысле высказывание об известной картине Греза «Отец семейства», помещенное в „Décade“ 20 фрюктидора VII года Республики. По мнению автора статьи Дюпона де Немура, моральное содержание картины обнаруживает совершенный вкус художника. Напротив того, изображение дурного отца семейства, брошенного детьми, явилось бы проявлением вкуса «...отвратительно плохого, потому что не должно предполагать, чтобы отец мог быть когда-либо настолько дурен, чтобы заслужить этот ужас и эту беспомощность»⁷. А если бы он и заслуживал этого, поступок детей не имел бы оправдания. Таким образом, разрешение нравственной проблемы в художественном произведении предreshается заранее. Да и сама эта проблема не возникает из изображаемого, а наоборот, художественная сторона целиком определяется данной нравственной идеей.

Руссо в этом смысле идет дальше. Сюжет «Новой Элоизы», как известно, был настолько смел с точки зрения традиционной нравственности, что роман представлял собой вызов обществу не только из-за своей социальной направленности. Вопрос о нравственности или безнравственности произведения ставится уже совершенно иначе. Однако назидательность, а следовательно, и рассудочность, свойственные «чувствительным» романам сентиментализма, являются для «Новой Элоизы» не менее характерными.

То, что де Сталь видит у Руссо, является во многом программой, прогнозом того, чем станет французский роман в будущем. Признание страсти вопреки традиционной нравственности, требование изображения характеров с их внутренней борьбой было выражением новых веяний, знаменовавших собой зарождение нового течения и подготовивших появление писателей-романтиков. Де Сталь выступает горячим противником правил, стесняющих стиль писателя, противопоставляя выразительность и силу классическим канонам; она поднимает один из центральных вопросов, вокруг которого впоследствии шла ожесточенная борьба романтиков и «классиков». У де Сталь еще сильно влияние назидательности, она еще видит необходимость в произведении, основанном на моральной сентенции. Многие зачастую только намечено. Однако уже в «Письмах о произведениях и характере Жан-Жака Руссо» мы видим ростки той литературной программы де Сталь, которая будет разработана в ее основных произведениях.

* * *

Через пять лет после выхода в свет «Писем о Руссо» де Сталь пишет свой «Опыт о вымыслах». Этот сравнительно короткий период был для де Сталь полон бурных событий.

Наступил июль 1789 года; во Франции началась революция. Де Сталь была охвачена общим настроением. Взятие Бастилии, возвращение Неккера на пост министра были для нее вершиной революции. Воплощение идеала свободы она увидела в английском парламентаризме. Поэтому, как только она увидела, что революция принимает все более решительный характер, ее революционный энтузиазм быстро остыл.

⁷ Цит. по "Revue de littérature comparée", № 3, 1929, p. 468.

Она оказалась в оппозиции к правительству и даже выступала в защиту королевы. В результате, ей пришлось в 1792 году бежать в Коппе, где и был написан «Опыт о вымыслах». Якобинской диктатуры де Сталь не приняла. О революционном терроре она говорила с ужасом. По ее мнению, французский народ дискредитировал идею свободы, так как не сумел воспользоваться ею. Ее конституционалистские взгляды в эти годы вырисовывались все более четко. После Девятого термидора де Сталь возвращается в Париж и уходит в политику. Ее салон становится центром конституционалистов. Произведения де Сталь, которые она пишет в эти годы, носят, в основном, политический характер. С их помощью она пытается воздействовать на правительство и на ход событий. Особенно характерны в этом отношении «Размышления о мире, адресованные Питту и французам» (1795 г.).

Де Сталь не перестает заниматься вопросами литературы и сама пишет ряд небольших произведений. Они были изданы в 1795 году под названием «Сборник отрывков». Туда вошел и «Опыт о вымыслах».

Небольшая по размеру работа отличается глубиной содержания, охватывая ряд важнейших проблем художественного творчества. В ней де Сталь разбирает вопрос о взаимоотношении достоверного и вымышленного в произведении, о творческом материале, о содержании произведения, касается теории жанра и особо останавливается на романе.

В отличие от «Писем о Руссо», полных надежды и нетерпеливого ожидания перемен, «Опыт о вымыслах» пропитан горечью и даже трагизмом. Революционные потрясения, крушение иллюзий переплетались с неудачами в ее семейной жизни. Невзгоды и неуверенность в будущем отнимали у нее веру в личное счастье. Внутренние переживания и настроения де Сталь, события ее личной жизни находили свое отражение уже в первых ее произведениях⁸.

Пессимистическим настроением проникнуто уже самое начало «Опыта». Жизнь не рассчитана на счастье, она полна разочарований. Все ужасы Дантовского ада бледнеют перед действительностью. Создания художественного воображения помогают в борьбе против невзгод судьбы. Под таким углом зрения де Сталь впервые говорит о роли литературы. И уже в конце работы она восклицает: «Я чту страдающее сердце прежде, чем узнаю его». Эти настроения прозвучат лейтмотивом в книге «О страстях», которую де Сталь опубликует в следующем, 1796 г.

Принцип назидательности художественного произведения остается по-прежнему обязательным. И именно вымысел делает нравоучительную идею более ощутимой. «Первым преимуществом вымыслов является то, что они собирают вокруг человека все, что может ему послужить уроком или примером»⁹.

Воплощая моральные истины, вымыслы делают их более ощутимыми и тем самым увлекают читателя.

Классификация вымыслов, их оценка производится в книге в зависимости от этой способности увлечь, взволновать. Де Сталь делит вымыслы на три группы:

- 1) вымыслы «чудесные» и аллегорические;
- 2) вымыслы исторические;
- 3) вымыслы естественные.

«Чудесные», или волшебные, вымыслы подвергаются критике первыми. Де Сталь различает два периода их существования: античный

⁸ См. D. L'arg, "Madame de Staël: la vie dans l'oeuvre", Paris, 1925.

⁹ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 68.

период и эпоху рыцарства. Вымысел как у древних, так и в рыцарских романах характеризуется, как говорит де Сталь, картинами, далекими от природы, от естественного порядка вещей. Это, по ее мнению, совершенно исключает увлеченность читателя идеями. Так, сцена Ахилла и Приама не может по-настоящему вызвать беспокойство за исход, потому что все предрешено; боги играют роль всепильного рока. Вмешательство каких-то сверхъестественных сил снимает интерес к повествованию. В чудесном исчезает своеобразие характеров. Кроме того, в нем «... заключено нечто предрешенное и нечто неожиданное, что отнимает у читателя все удовольствия, связанные с тревогой и предвидением, в зависимости от собственных чувств»¹⁰.

Это высказывание де Сталь заключает в себе чрезвычайно важный момент. Вымысел является делом не только автора, но и читателя. Произведение должно будить воображение, фантазию. Читатель, таким образом, становится соучастником творчества.

Фантастика в рыцарских романах для де Сталь еще более неприемлема, так как она вмешивается не только в ход событий, но и в развитие характеров. Вымышленное еще более тесно связано с подлинным, воображению меньше пищи: здесь лишь преувеличивается и искажается то, что существует в действительности.

Следовательно, «чудесный» вымысел для де Сталь неприемлем. Однако его критика не означает безусловного отрицания построенных на нем произведений прошлого: «В суждении о человеческих вещах необходимо исключить все абсолютные идеи»¹¹.

Создавая мифологический вымысел, античный человек ставил себе целью только показ, любование самими картинами и не преследовал каких-либо моральных целей. Эта задача получала блестящее разрешение в лучших произведениях древности. Иное дело в новое время, когда целью является извлечение нравственного «урока» из произведения. В этом случае следует идти другим путем. Как ни совершенны произведения древних, современные таланты должны основываться на «подражании истинному».

Таким образом, де Сталь подходит к проблеме не абстрактно, а рассматривает ее **во времени**. В этом можно увидеть зачатки того исторического подхода к литературным явлениям, который характерен для ее книги «О литературе».

Особо останавливается де Сталь на аллегории. Ее воздействие на воображение и чувства читателей еще слабее. Аллегория призвана популяризировать «практическую идею» („*idée utile*“). «Цель ее (аллегории) двойка: выдвинуть моральную истину и увлечь притчей, которая является ее эмблемой»¹².

По мнению де Сталь, уже сама по себе попытка подать глубокую нравственную мысль в иллюстрации вызовет обеднение этой мысли. Кроме того, раздвоенность аллегории неизбежно вызывает преувеличение одной или другой стороны. В результате, либо чересчур преувеличивается идея, — и тогда это утомляет, либо мораль «тонет» в рассказе. Стремление же раздвоить внимание приводит к угасанию интереса.

Исключение де Сталь делает лишь для Лафонтена, так как в его баснях комическое вытекает не из намеков, а из изображения нравов животных.

¹⁰ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 64.

¹¹ Там же, стр. 65.

¹² Там же, стр. 65.

Таким образом исторический роман становится между читателем и историей, искажает ее. В этом де Сталь видит его основной порок. Назидательность исторического вымысла минимальна. Из исторических событий невозможно извлечь урока практической морали. Почти никогда нельзя на примере истории показать наказанный порок и благородные сердца, вознагражденные за их страдания. Уроки истории не пригодны для отдельных личностей; они применимы лишь к целым народам. Но и эти уроки должны «браться» непосредственно из событий. История сама по себе оказывает большое воздействие на нравы. Исторический же вымысел, затемняя смысл событий, только ослабляет это воздействие.

Разбор исторического вымысла в книге тесно связан с решительной критикой исторического романа. Для де Сталь исторический сюжет совместим с вымыслом лишь в трагедии. Здесь он, по ее мнению, даже неизбежен, так как для заполнения двадцати четырех часов, в которые протекает действие, свидетельств истории недостаточно. Другое дело с историческим романом. Его содержанием должны быть подлинные события. Но полного и достоверного их изображения исторический роман не дает: это уже сделали историки. Именно они в состоянии справиться с этой задачей. Что же остается романисту? Галантность, любовные интриги, вымышленные похождения. Ход истории объясняется мотивами, которые никогда не существовали. Писатель «...хочет объяснить их [события — А. Н.] воздействием любви, с тем чтобы придать больше значительности сюжету, и таким образом дает самую ложную картину человеческой жизни»¹³.

Эта глава «Опыта о вымыслах» важна не только для выяснения того, как складывалась историческая концепция де Сталь и ее эстетические взгляды. Эта часть работы знаменательна как выражение тенденций, зарождавшихся в последние годы революции. Стремление разрешить социальные и политические проблемы и пробуждающийся в связи с этим интерес к истории, в которой искали ответа на насущные вопросы, — одна из важнейших особенностей романтизма — приведут впоследствии, уже в годы Реставрации, к расцвету исторического романа в совершенно новом качестве. Понски новых путей были тесно связаны с резкой критикой исторического романа XVIII века, который не был в состоянии передать все своеобразие эпохи, ее дух, нравы, устремления¹⁴.

Отрицание исторического романа как жанра вообще вызвано у де Сталь этими тенденциями. Стороны, которые она подвергает критике, характеризуют именно традиционный исторический роман XVIII века. Появление же исторического романа нового типа было немисливо без создания новой историографической системы, что и осуществили позднее романтики. В этом корни заблуждения де Сталь в отношении исторического вымысла как такового.

Какой же вымысел удовлетворяет де Сталь? Только тот, который увлекает моральной идеей, дает силы в борьбе с превратностями судьбы. Эта задача под силу только «естественному» вымыслу. Де Сталь дает ему такое определение: в нем «все выдуманно и в то же время воспроизведено, в нем «ничего нет подлинного, но все правдоподобно». Эта формулировка уже сама по себе говорит, на каком материале должен быть основан «естественный» вымысел. Писатель должен черпать его из действительной жизни. Описываемые события большей

¹⁴ См. Б. Г. Рейзов, «Французский исторический роман в эпоху романтизма», 1958.

¹³ Там же, стр. 66.

частью вымышлены. Подлинность же заключается в следовании природе в изображении чувств, характеров, в раскрытии внутренних побуждений.

Здесь нельзя не подчеркнуть одно важное положение, которое де Сталь выдвигает в отношении творческой фантазии писателя. Говоря об изображении сверхъестественного мира, существование которого она по-видимому признает, де Сталь утверждает, что каков бы ни был вымысел, он всегда будет ниже этого «нечто». И это происходит потому, что мы можем оперировать только известными нам образами и представлениями. «То, что мы называем нашими созданиями, представляет собой всегда лишь собрание представлений, которые мы получаем из той же самой природы, от которой мы хотим отойти. Божественное проявляется в реальном. Гению приписывают измышление („invention“), а между тем он заслуживает славу творца только воспроизводя, объединяя, открывая то, что есть»¹⁵. Рассуждение де Сталь заключает в себе мысль о **материальности** самых смелых, самых «высоких» полетов творческой фантазии, опирающейся всегда на реальный мир. Действительность — вот источник самых «идеальных» образов. Здесь де Сталь подходит к одному из кардинальных вопросов эстетики и склонна решать его, как мы видим, с реалистических позиций. Вспомним утверждение реакционных романтиков о неземной, сверхъестественной основе созданий творческой фантазии. Противоположность этих двух точек зрения выступает достаточно ясно. Однако неправильно было бы мысль де Сталь о природе художественного образа ставить в один ряд с положениями материалистической эстетики. Тут же де Сталь утверждает, что сама действительность, из которой черпает художник, несет на себе отпечаток (*empreinte*) божественного начала. Так идеалистические взгляды де Сталь привели ее к неразрешимому противоречию: с одной стороны, казалось бы, — материальная основа образа; с другой стороны, первопричина этой «материальности» — в идеальном.

Отдавая предпочтение «естественному» вымыслу, де Сталь считает, однако, что не все жанры могут быть на нем основаны. Такими жанрами являются, прежде всего, драматические и главным образом, трагедия. Сама природа трагического такова, что требует необычайных ситуаций и событий, которые могут быть применены к очень малому количеству людей. Природа в трагедии предстает преобразенной, поднятой.

Драма и комедия также построены на известной условности, требуя ярких ситуаций. «Жизнь не так сконцентрирована, не так контрастна, не так театральна, наконец, как этого требует создание пьесы»¹⁶.

Польза же, которая проистекает из описания обычных чувств, может быть достигнута только в романе. Таким образом, роман является тем жанром, который наиболее отвечает требованиям «естественного» вымысла. При этом философский роман де Сталь начисто отвергает. Как бы ни была важна моральная цель, как бы ни была глубока философская идея, совершенно недопустимо поступиться неподобностью ситуаций. В философском же романе все описание неизменно сводится к одному, все обстоятельства служат иллюстрацией данной идеи. «Эти романы напоминают неумелость тех педагогов, которым дети совершенно не верят, потому что они сводят все, что бы ни произошло, к уроку, который они хотят преподать, и дети, не отдавая себе отчета,

¹⁵ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 65.

¹⁶ Там же, стр. 68.

знают уже, что в действительном ходе событий заключено меньше правильности»¹⁷.

В противоположность этому де Сталь выдвигает роман, воспроизводящий жизнь со всей ее сложностью и непоследовательностью, где ситуации и развитие действия вытекают из характера — неисчерпаемого источника для творчества. Таким образом, повествование должно идти не на основе логических построений, а вытекать из внутренних побуждений действующих лиц.

Философский роман в той его форме, в какой он был распространен в эпоху Просвещения, сыграл, как известно, большую роль в распространении просветительских идей. С его помощью писатель имел возможность довести до широких читательских кругов сложнейшие политические и философские теории. Вместе с тем, это была острая сатира, памфлет, бичующий недостатки и пороки общества. Вольтер в письме Мармонтелю советовал последнему использовать философские повести для осмеяния, «подстригая когти зверю»¹⁸. Ко времени написания «Опыта о вымыслах» философский роман как жанр уже изжил себя, так как новые условия, новые проблемы предъявляли к роману новые требования. Критика де Сталь философского романа и является выражением этих изменений.

Опровергая точку зрения на роман, как на изображение лишь одного чувства — любви, де Сталь указывает на богатейшие возможности романа в изображении самых различных страстей, характеров, положений. Такая разносторонность только и может дать ту истинную назидательность, которая составляет ценность художественного творчества. «Лучшее средство для борьбы со страстями — это изобразить их; если их черты, их побуждения, их средства и последствия были бы раскрыты и, так сказать, обнародованы романами так же, как история любви, в обществе были бы более твердые правила и более утонченные принципы»¹⁹.

Здесь уже идея совершенствования, которому служит литература, звучит гораздо определеннее и значимее, чем в «Письмах о Руссо». Если там говорилось о внутреннем совершенствовании читателя под воздействием прочитанного, то в «Опыте» де Сталь выдвигает мысль о возможности преобразования нравов общества и даже гражданских институтов благодаря влиянию литературных произведений, имеющих, с ее точки зрения, правильную направленность. Взамен всемогущего разума, который для энциклопедистов был движущей силой человеческого прогресса, де Сталь выдвигает эмоциональное воздействие художественного вымысла.

«Опыт о вымыслах» содержит в себе строки, знаменательные как выражение новой тенденции у де Сталь. Мы видели, что основным критерием, определяющим ценность литературного произведения, для нее является нравственный урок, который вытекает из повествования. Теперь же, заканчивая свою работу, де Сталь несколько отступает от принципа назидательности. Есть романы, главным достоинством которых является красноречие страсти. Читатель выносит из них картину «всемогущества» сердца. К таким романам де Сталь относит прежде всего «Вертера» и «Новую Элоизу». В этой связи интересно вспомнить, что в «Письмах о Руссо» де Сталь оценивает его роман именно с точки зрения морального урока. В «Опыте о вымыслах» «Новая Элоиза» рассматривается под совсем иным углом зрения.

¹⁷ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 68.

¹⁸ См. Вольтер, «Философские повести», М., 1960.

¹⁹ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 68.

Де Сталь не склонна считать такого рода произведения каким-то отдельным видом. Гений, способный дать такую яркую картину страстей, рождается раз в столетие. Однако значение этих романов неценно: в них находят себе утешение страстные и чувствительные души, осужденные миром, в котором они не находят понимания. «Они возненавидели бы свою природу, которая делает их одинокими, если бы несколько страстных и меланхолических произведений не доносили до них призыва среди житейской пустыни, не посылали бы им в их одиночестве нескольких лучей счастья, которое от них ускользает в окружающем их мире»²⁰.

В этих строках заключено не простое сочувствие к страдающим, непонятым сердцам. В них прорываются глубоко личные переживания и настроения, которые волнуют де Сталь в этот период. Именно они вызовут появление ее книги «О влиянии страстей». Письма и высказывания де Сталь достаточно ярко говорят об истинном смысле последних страниц ее «Опыта». Она сама находила опору в произведениях, которые она называла „*passionnés*“. Недаром она признавалась Гете, что чтение «Вертера» составило эпоху в ее жизни, как событие личного порядка²¹.

Какими же средствами писатель может добиться воздействия? Основным принципом является правдоподобие, т. е. следование природе. События, описываемые в романе, никогда не происходили, но правда чувств такова, что создается полная иллюзия реальности. Произведение должно воздействовать с такой же силой, как и наблюдения действительности. Однако принципиальная разница заключается в целенаправленности художественного произведения. Писатель как бы концентрирует изображаемое, сообщает ему большую выразительность. «К истине прибавляется своего рода драматический эффект, который отнюдь не искажает ее, но делает ее более явной и сжатой: в том и заключается мастерство художника, чтобы, не изменяя объектов, представить их в более осязаемой форме»²².

Отсюда вытекает необходимость тщательного отбора художественного материала, так сказать, экономности в описании. Каждая деталь должна нести определенную нагрузку, каждый взгляд, каждое движение должны давать характеристику образа („*peindre le caractère*“). Увлечение мелочами с целью возможно более точно воспроизвести натуру вызывает обратный результат: излишняя перегруженность утомляет и полностью разрушает иллюзию. Таким образом, достоверность произведения предполагает яркость изображения, которая заключается в истине характеров, силе контрастов, энергии ситуаций.

Таковы основные положения, которые можно было бы выделить в этой небольшой, но богатой по своему содержанию работе де Сталь. В сравнении с «Письмами о Руссо», «Опыт о вымыслах» представляет собой значительный шаг вперед. Разница в целом ряде положений весьма ощутима.

Требование назидательности выдвигается в «Опыте» уже не в столь категорической, оголенной форме и, по существу, начинает отходить на второй план.

Более глубоко и разносторонне рассматривается вопрос о жанрах. Дается сжатая характеристика трагедии и драмы; подробно разбирается роман с точки зрения содержания и стиля. В отношении

²⁰ "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 72.

²¹ См. Blennerhasset, „Madame de Staël et son temps“, Paris, 1890.

²² "Oeuvres complètes", Paris, 1838, vol. I, p. 69.

де Сталь к историческому роману начинает проявляться пробуждающийся повсеместно интерес к истории.

Наконец, взгляды де Сталь на мастерство писателя представляют значительный интерес, как передовые для своего времени. Требование яркости, силы, эмоциональности будет взято на вооружение представителями новой литературной эпохи. Многие из теоретических положений де Сталь не утратили своего значения и в наши дни.

* * *

Представляется необходимым коснуться еще одного произведения де Сталь. Оно не связано непосредственно с вопросами литературы, но представляет значительный интерес, как работа о человеческой личности. Моральные и философские идеи книги де Сталь «О влиянии страстей на судьбы людей и народов» лежат в основе многих литературных произведений эпохи романтизма.

Тема о страстях была чрезвычайно актуальна в эти годы. Вопрос о счастье человека, о путях его судьбы, о возможности предотвратить несчастье занимал всех. Потрясения революционных лет не минули никого. Разочарование было общим настроением. Сторонники старого видели крушение всего, с чем они были связаны. Революционно настроенные умы не нашли в завоеваниях революции того царства справедливости и равенства, к которому они стремились; а вершина революции была уже позади. Находившиеся в эмиграции чувствовали себя оторванными от родной почвы; будущее представлялось им смутным. Неуверенность в завтрашнем дне, боязнь новых потрясений вызывали индивидуалистические настроения, интерес к личной судьбе человека. Произведение де Сталь о страстях было не единственным. Этому вопросу был посвящен ряд статей и трактатов. Их авторы пытались объяснить революции, войны, политические перевороты необузданностью человеческих стремлений.

После неудавшихся попыток принять участие в политической жизни, сплотить вокруг себя широкий круг единомышленников де Сталь была вынуждена вернуться в Коппе. Здесь она написала свою знаменитую книгу «О влиянии страстей». Книга была издана в 1796 году в Лозанне. По утверждению исследователя Монглона, в этом же году книга была издана в Гамбурге. Это произведение де Сталь сразу же завоевало широкую известность как во Франции, так и за ее пределами. Гете писал Шиллеру: «Это очень интересная книга. Написанная в тесном контакте с окружающей действительностью, в которой автор жил, она полна умных, тонких и горячих наблюдений». Это «...пробный камень, с помощью которого следует судить о ней самой» [о де Сталь — А. Н.]²³.

Книга должна была состоять из двух частей. В первой части де Сталь разбирает вопрос о судьбе отдельного человека. Вторая должна была содержать рассуждения о судьбах народов. Этот замысел не был до конца осуществлен. Видимо, де Сталь стало ясно, что эти две части представляли бы собою отдельные произведения, и она ограничилась первой частью²⁴. Однако основные мысли, которые должны были лечь в основу второй части, сжато изложены во вступлении.

Уже первые страницы вступления получают трагическое звучание. Автор говорит о страшной эпохе потрясений — времени, когда написана

²³ Blennerhassett, "Madame de Staël et son temps", Paris, 1890, p. 4.

²⁴ См. M-me Nacker de Saussure, „Notice sur le caractère et les écrits de Madame de Staël". (Dans les "Oeuvres complètes", Paris, 1838.)

эта книга. «Когда надежда или потребность счастья подняли человеческий род, люди особенно расположены к глубокому размышлению о природе личного и общего счастья, о его путях, о его пределах, о препятствиях, которые отделяют от этой цели»²⁵.

Вопрос о счастье де Сталь решает негативно: счастье такое, каким оно представляется человеку, недостижимо. Необходимо лишь изучить способы для избежания несчастий. Борьба с несчастьем во всех его формах, изучение мыслей, чувств, гражданских установлений, которые порождают страдания, и поиски способов для облегчения этих страданий — вот единственная реальная цель.

Истинной причиной страданий являются страсти. Они влияют на судьбу человека так же, как и политические институты. Без них было бы возможно спокойствие отдельных людей; без них правительства были бы настолько простыми машинами, как рычаг. Проблемы политической власти, конституций, всего общественного строя де Сталь сводит к возбуждению или подавлению страстей, к урегулированию человеческих стремлений. «Политическая свобода всегда должна быть рассчитана на существование определенного количества личностей, которым свойственны страсти и которые составляют часть народа»²⁶.

В первом разделе книги де Сталь рассматривает страсти, которые, по ее мнению, оказывают наибольшее влияние на судьбу человека. Вторая часть касается чувств, являющихся посредниками между страстями и внутренними силами, которые человек находит в борьбе с ними. Заканчивается книга разделом, посвященным источникам противодействия человека страстям — философии, учению, человеколюбию.

Наиболее красноречивые страницы она посвящает любви. Эта часть книги выделяется среди других необычайной увлеченностью, страстностью, поэтичностью. «Если всемогущее существо, которое вверх и вниз человека на эту землю, пожелало, чтобы он постиг идею небесного существования, оно дозволило, чтобы в какие то мгновения своей молодости он мог любить со страстью, мог жить в другом человеке, мог обогатить свое существо, соединив его с тем, кто ему дорог»²⁷.

Драматический оттенок, который носит глава, посвященная любви, обращение к женщинам, которых общество лишает и этой единственной возможности счастья, мысль о недостижимости мечты — все это явилось отражением и тех жизненных неудач, которые постигли де Сталь уже в этот период.

Вопрос о долге в книге уже не ставится. Де Сталь не противопоставляет добродетели страстям, нравственных натур — безнравственным. Де Сталь подразделяет характеры на бесстрастные и бурные (*passionnés*). Бесстрастные характеры удовлетворяются сложившейся ситуацией. Им сопутствует счастливое спокойствие, основой которого является уверенность, что ими не завладеет никакое движение душ, которое сильнее их. Зачатки этого отношения, полного пренебрежения, можно видеть еще в «Письмах о Руссо»: вспомним слова де Сталь о холодных, безучастных рассуждениях о добродетели, которые хуже страстей.

Бурные характеры, которые постоянно вовлекаются страстями в несчастья и жизненные потрясения, находят утешение в размышлении. У этих характеров, которые бесконечно богаче и разнообразнее, есть,

²⁵ De Staël, "De l'influence de passions", 1796, p. 2.

²⁶ Там же, стр. 16.

²⁷ Там же, стр. 96.

однако, точки соприкосновения друг с другом, сходство, которое делает их объектом общих рассуждений.

Книга де Сталь настолько остро ставила насущные проблемы, что безразличных к ней не оказалось. Одни возмущались явными симпатиями де Сталь к людям, увлекаемым страстями, ее молчанием о пресловутой добродетели (*vertu*). Другие находили в книге «О страстях» отклик на волнующие их чувства и мысли, восхищались увлеченностью автора, находили утешение в его философских рассуждениях.

Но значение книги гораздо шире. Настроения, полные неверия в достижимость счастья, печальные размышления о жизни, о непреодолимости страстей станут лейтмотивом новых романов, на страницах которых выступит романтический герой. Его черты уже вырисовываются в книге де Сталь.

Мы постарались кратко ознакомиться с идеями де Сталь, связанными с вопросами литературы, начав с первого выступления ее в печати и доведя обзор до книги «О литературе в ее связи с общественными установлениями». Выход этой книги в 1800 году явился важной вехой как в личной жизни де Сталь, так и в ее творчестве.

Известно, что книга была закончена вскоре после 18 брюмера, когда иллюзии де Сталь в отношении Бонапарта потерпели крушение. Ее произведение было вызовом «узурпатору». Любопытно, что первое издание книги вышло без указания издательства. Уже одно замалчивание в книге имени Бонапарта говорило о многом. Слова же о тирании, опирающейся на милитаризм, об упадке Просвещения, о неизбежном процветании посредственности в условиях военной диктатуры означали объявление войны Бонапарту. Он так и расценил появление этой книги. Правда, он не решился сразу подвергнуть де Сталь репрессиям, так как чувствовал себя еще недостаточно прочно, и ограничился презрительным отзывом о книге. Но в интимном кругу, по свидетельству очевидцев, он дал волю своему бешенству²⁸. С этого момента началась многолетняя ожесточенная борьба между де Сталь и Наполеоном.

В творческом отношении книга «О литературе» явилась не только синтезом литературных взглядов де Сталь, итогом ее работы за десятилетие. Это была первая попытка серьезно обосновать идею зависимости литературы от социальных условий, используя обширный историко-литературный материал. Идея прогресса, никогда не оставлявшая де Сталь, получила здесь свое развитие, являясь основным стержнем книги.

В силу ряда причин, книга де Сталь не была столь широко известна, как впоследствии книга «О Германии». А между тем, это был первый в истории литературоведения крупный труд, основанный на сравнительно-историческом принципе. Многие в оценках де Сталь субъективно, картина отдельных литератур незакончена, теоретические выводы часто спорны. Но именно де Сталь выдвинула новую концепцию литературного исследования, развитую романтиками Сисмонди, Гингене и другими.

С книги «О литературе» начинается новый период творчества де Сталь.

²⁸ См. M. Souriau, "Histoire du romantisme en France", Paris, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

- A.-L. G. De Staël. "Oeuvres complètes", Treuttel et Würtz, 1838, vol. 1, 2.
Е. Г. Рейзов. «Французский исторический роман в эпоху романтизма», Л., 1958.
И. Е. Верцман, «Жан-Жак Руссо», М., 1958.
M. Souriau, „Histoire du romantisme en France“, Paris, 1927, vol. 1.
F. Baldensperger, „Jean-Jacques Rousseau“ (recueil), Paris, après 1920 et les autres.
Blennerhassett, lady, „Madame de Staël et son temps“, Paris, 1890, vol. 1, 2.
А. Сорель, «Госпожа де Сталь (пер. с франц.)», СПб., 1892.
„Revue de littérature comparée“, Paris, 1926—1959.
Barbier, Notice des principaux écrits relatifs à la personne et aux ouvrages de J.-J. Rousseau, Paris, 1824.
P. E. Schazmann, „Bibliographie des oeuvres de M-me de Staël“, Paris, 1938.
F.-C. Lonchamp, „L'Oeuvre imprimé de madame Germaine de Staël (1786—1821)“, Genève, Pierre Cailler, 1949.

DE STAL LITERATŪRINĖS PAŽIŪROS JOS ANKSTYVOJOJE KŪRYBOJE

A. NIKOLSKIS

Reziumė

De Stal buvo viena iš romantizmo Prancūzijoje pradininkių. Jos kūryba, ypač veikalai literatūros klausimais, duoda įdomios medžiagos tyrinėtojiui, kaip esminių pasikeitimų Prancūzijoje atspindys feodalizmo žlugimo ir buržuazinės revoliucijos metu. De Stal teoriniuose teiginiuose pasireiškė senosios klasicizmo literatūrinės sistemos griuvimas ir naujų tendencijų atsiradimas.

Straipsnyje nagrinėjami jos „Laiškai apie Ruso kūrinis ir būdą“ (1788), „Apie prasimanymus“ (1792), „Apie aistrų poveikį žmonių ir tautų laimei“ (1796). Jau šiuo de Stal kūrybos laikotarpiu pasireiškė jos pažiūros, kurios buvo išplėtos ir pagilintos knygose „Apie literatūrą“ ir „Apie Vokietiją“—de Stal-romantikės veikaluose. De Stal naujai įvertina senosios moralės principus, stebi žmogaus vidinių jausmų kovą, kritikuoja tradicinius literatūrinius žanrus, kovoja už rašytojo stiliaus laisvę ir išraiškingumą.

Traktate „Apie prasimanymus“ de Stal daro pirmus mėginimus pagrįsti literatūrinių reiškinių nagrinėjimą istoriniu principu. Šį principą ji vysto savo knygoje „Apie literatūrą“.

De Stal ankstyvosios literatūrinės pažiūros yra pažangios tiek politiniu, tiek ir literatūriniu požiūriu; kartu jas tam tikru laipsniu riboja jos pasaulėžiūros bruožai, susiję su buržuaziniu liberalizmu.